

**«Не стоит село без праведника»:
лексическая репрезентация концепта *праведник*
в рассказе А.И.Солженицына «Матрёнин двор»
концепт «праведник», семантическая структура, А.И.Солженицын**

В рамках современной когнитивной лингвистики по-прежнему актуальны работы, связанные с изучением языковой картины мира писателя, которая находит непосредственное отражение в его творчестве.

Данная статья посвящена анализу концепта *праведник* в рассказе А.И.Солженицына «Матрёнин двор». Его актуализация в программном не только для творчества писателя, но и для всей русской литературы произведении имеет символическое значение: заслугу А.И.Солженицына видят в том, что он «сумел вызволить из забвения отброшенный в XX веке за ненадобностью идеал праведной жизни – т.е. жизни по Божиему закону» [Урманов 2003: 56–57].

По мнению Т.Лопухиной-Родзянко, «героев А.И.Солженицына можно довольно чётко разделить на две группы: на праведников, живущих по вечной справедливости и заботящихся о строе своей души; и на тех, которые потеряли связь с этой вечной ценностью и заменили жизнью временной» [Лопухина-Родзянко 1974: 18].

В рассказе «Матрёнин двор» А.И.Солженицын изобразил народный характер, сумевший сохранить себя в страшной смуте XX века. «Есть такие прирожденные ангелы, они как будто невесомы, они скользят как бы поверх этой «жижи», нисколько в ней не утопая, даже касаясь ли стопами ее поверхности?... Это – праведники, мы их видели, удивлялись («чудаки»), пользовались их добром, в хорошие минуты отвечали им тем же, они располагают...» – так А.И.Солженицын писал об этой категории людей [Солженицын 1977: 18].

Ядерные компоненты смысла, входящие в семантическую структуру концепта *праведник*, реализуются в значениях, зафиксированных в толковых словарях русского языка: 1) «человек, который живёт праведной жизнью, не имеет грехов»; 2) «человек, ни в чём не погрешающий против правил нравственности» [Ожегов 1992: 593]. Проследим, как в анализируемом рассказе А.И.Солженицына реализован смысловой диапазон данного концепта.

Матрёна живёт по заповедям Христовым не в силу осознанной религиозности, а руководствуясь глубоким внутренним чувством: *«Сколько жил у неё – никогда не видал её молящейся, ни чтоб она хоть раз перекрестилась. А дело всякое начинала «с Богом!» и мне всякий раз «с Богом!» говорила, когда я шёл в школу. Может быть, она и молилась, но не показно. Стесняясь меня или боясь меня притеснить. Был святой угол в чистой избе, и иконка Николая Угодника в кухоньке. Забудни стояли они тёмные, а во время всенощной и с утра по праздникам зажигала Матрёна лампадку. Только грехов у неё было меньше, чем у колченогой кошки. Та – мышей душила...»* [Солженицын 1991: 126].

Героиня воплощает христианский идеал жизни и человеческое достоинство в столь недоступных для этого условиях. Её отличают мягкость, открытость, доверчивость, простота, душевный покой, способность, не меняясь внутренне, приспособляться к тяжелейшим бытовым и социальным условиям. Создавая этот характер, автор ставит его в самые обыденные обстоятельства колхозной жизни 1950-х годов с её бесправием и надменным пренебрежением к обычному человеку. Матрёна не собирает земных сокровищ. На этом А.И.Солженицын акцентирует особое внимание: *«В самом деле! – ведь поросёнок-то в каждой избе! А у неё не было... Не гналась за обзаводом... Не выбивалась, чтобы купить вещи и потом беречь их больше*

своей жизни. Не гналась за нарядами, за одеждой, приукрашивающей уродов и злодеев. Не понятая и брошенная даже мужем своим, схоронившая шесть детей, но не нрав свой общительный, чужая сёстрам, золовкам, смешная, по-глупому работающая на других бесплатно, – она не скопила имущества к смерти...» [Солженицын 1991: 146].

В рассказе практически отсутствует описание портрета Матрёны. «Простодушный взгляд блёкло-голубых глаз», «лучезарная улыбка» – вот едва ли не вся портретная характеристика героини. Вместе с тем автором постоянно подчёркивается внутренняя, духовная красота Матрёны, находящая и внешнее выражение: «У тех людей лица хороши, кто в ладах с совестью своей». Спустя много лет эту же мысль писатель подчёркивает в воспоминаниях о Борисе Можаяеве: «Есть такой закон, психологический или физиологический: у людей с чистой совестью и с чистой жизнью эта духовная чистота к старости проступает и внешне, на лицо» [Солженицын 1977: 15].

А.И.Солженицын на протяжении рассказа актуализирует в своей героине светлое начало, которое является доминирующим и в описании её похорон: «А в гробу лежала Матрёна. Чистой простынёй было покрыто её изуродованное тело, и голова охвачена белым платком, – а лицо осталось целёхонькое, спокойное, больше живое, чем мёртвое» [Солженицын 1991: 140]. В христианской традиции белый цвет – символ духовного обновления, преображения, воскресения.

Образные компоненты концепта *праведник* в художественной картине мира А.И.Солженицына также расширяют и углубляют его интерпретационное поле за счёт соотношения другими, важными для русского человека концептами: *дом, добро*.

Деятельное добро во имя ближнего становится средоточием характера героини. Сама того не осознавая, она каждый день совершает добрые дела, преображая мир вокруг себя и испытывая от этого настоящую радость.

Матрёна бескорыстно помогает людям, окружающим её. Как многие люди праведной жизни, она была совершенно не понята теми, кто пользовался её добротой и душевной щедростью: «Все отзывы о Матрёне были неодобрительны: и нечистоплотная она была; и за обзаводом не гналась; и не бережная; и даже поросёнка не держала, выкармливать почему-то не любила; и глупая. Помогала чужим людям бесплатно... И даже о сердечности и простоте Матрёны, которые золовка за ней признавала, она говорила с презрительным сожалением» [Солженицын 1991: 145].

Дом (двор) Матрёны Васильевны Григорьевой становится своеобразным оплотом христианства. А.В.Урманов считает, что «внешне ограниченное пространство этого двора аккумулирует не только судьбу патриархальной христианской России, но и судьбу всего современного человечества» [Урманов 2003: 56–57]. Поэтому его можно сравнить с ковчегом ветхозаветного праведника Ноя. Подобно Нюю, Матрёна устраивает свою жизнь по Божиему закону, и её дом (двор) становится островком спасения среди вопиющей жестокости, равнодушия, нищеты и тотального непонимания.

Финал рассказа может быть прочитан как восхождение героини на свою Голгофу: Матрёна погибает под поездом, помогая перевозить брёвна от её же собственной избы. Трактор с брёвнами от разобранной горницы движется в путь, когда начало *темнеть*, а затем – *совсем стемнело*. На Тальново опускается тьма, в символическом смысле подобная той, которая накрыла всю землю после распятия Христа на кресте: «От шестого же часа тьма бысть по всей земле до часа девятого [Мф. 27: 45].

Отметим, что из всех своих положительных героев А.И.Солженицын только Матрёну называет *праведницей* в знаменитой концовке: «Все мы жили рядом с ней и

не поняли, что она есть тот самый праведник, без которого, по пословице, не стоит село. Ни город. Ни вся земля наша» [Солженицын 1991: 146].

Пословица взята из толкового словаря В.И.Даля, где у слова *праведный* фиксируются следующие значения:

- «оправданный житием, праведный на деле»: *У праведна мужа и душа красавица*;

- «праведно живущий; во всём по закону Божию поступающий, безгрешник»: *Не стоит город без святого, село без праведника* [Даль 2008, III : 377].

Важно даже не то, что Матрёна прямо названа А.И.Солженицыным *праведницей*, а то, что без таких, как она «...не стоит село. Ни город. Ни вся земля наша». Следует отметить, что первоначально рассказ назывался «Не стоит село без праведника». По настоянию А.Т.Твардовского, редактора журнала «Новый мир», опасавшегося цензурных трудностей, первоначальное название, слишком явно включающее рассказ в систему христианских ценностей, было заменено на более нейтральное – «Матрёнин двор».

Таким образом, семантический потенциал ключевого для русской ментальности концепта *праведник* в анализируемом рассказе А.И.Солженицына реализован полностью. Языковой материал свидетельствует также о том, что интерпретационное поле рассматриваемого концепта в значительной степени расширилось за счёт связей с такими ключевыми концептами, как *дом* и *добро*. Наверное, поэтому рассказ «Матрёнин двор», который В.П.Астафьев считал «вершиной русской новеллистики», сегодня воспринимается «как явление знаковое, как одно из самых веских доказательств того, что русская литература смогла осуществить свою гуманистическую и одухотворяющую миссию даже в эпоху тотального насилия и торжествующей бездуховности» [Урманов 2003: 56].

Литература

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х томах. Т. III / В. И.Даль. – М., 2008.

Лопухина-Родзянко Т. Духовные основы творчества Солженицына / Т.Лопухина-Родзянко. – Франкфурт-на-Майне, 1974. – 160 с.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 72 500 слов и 7500 фразеологических выражений / С.И.Ожегов, Н.Ю.Шведова. – М.: Азъ Ltd, 1992. – 960 с.

Святое Евангелие от Матфея, Марка, Луки и Иоанна. – СПб.: Синодальная типография. – 476 с.

Солженицын А.И. Рассказы / А.И.Солженицын. – М., 1991. – 208 с.

Солженицын А.И. С Борисом Можаявым / А.И.Солженицын // Дон. – 1977. – № 5. – С.15–18.

Урманов А.В. Творчество Александра Солженицына: учебное пособие для студентов, преподавателей-филологов / А.В.Урманов. – М.: Флинта, 2003. – 234 с.